

Влияние политического взаимодействия на динамику торговых отношений Японии и КНР

© 2016

М.О. Демина

Представлен краткий обзор результатов исследований ряда азиатских специалистов по вопросам взаимовлияния политического и экономического аспектов японо-китайских отношений во второй половине XX в. С использованием эконометрических методов выявляется взаимосвязь между политическими событиями и тенденциями развития торговых отношений Японии и КНР на современном этапе.

Ключевые слова: Япония, КНР, торговые отношения, экономическая взаимозависимость, политический фактор, политические конфликты.

История политических контактов между Японией и КНР во второй половине XX в. изобилует конфликтами и противоречиями, которые начались с поражения Японии во Второй мировой войне и ее последующего союзничества с США — с одной стороны, и с победы коммунистической партии и коренных преобразований в Китае — с другой. Два политических антагониста, которые еще недавно находились по разные стороны линии огня, не поддерживали активные политические контакты в первые послевоенные десятилетия, что, однако, не означало полного отсутствия двусторонней торговли. Товарообмен в тот период осуществлялся на базе торговых меморандумов и, как указывает П.В. Кульнева, носил «полугосударственный характер», будучи фактически санкционированным японским и китайским правительствами¹. В 1972 г., лишь после первого официального визита американского президента Р. Никсона в коммунистический Китай, Япония установила дипломатические отношения с КНР. С этого момента происходит значительное расширение объемов товарооборота (см. график 1).

Тем не менее, многие исследователи сходятся во мнении, что вплоть до 1990-х годов экономические отношения между Японией и КНР испытывали на себе сильное влияние политических факторов. Так, например, китайский профессор Ли Цзяньюн показывает, что эпизоды охлаждения отношений между двумя странами сопровождались снижением экономических показателей: в первую очередь, темпов прироста товарооборота и прямых инвестиций с японской стороны. Охлаждение или потепление политических отношений Ли Цзяньюн предлагает определять по количеству визитов высших должностных лиц². Японский исследователь Маруяма Нобуо из университета Такусёку указывает, что в 1970-х годах темпы прироста объемов японо-китайской торговли согласовывались с политическими шагами, предпринятыми руководством обеих стран: сперва удалось добиться устойчивого товарообмена на уровне государственных и окологосударственных компаний, а также инициировать масштабные программы по оказанию финансовой помощи Китаю с японской стороны, и лишь затем в межгосударственную торговлю

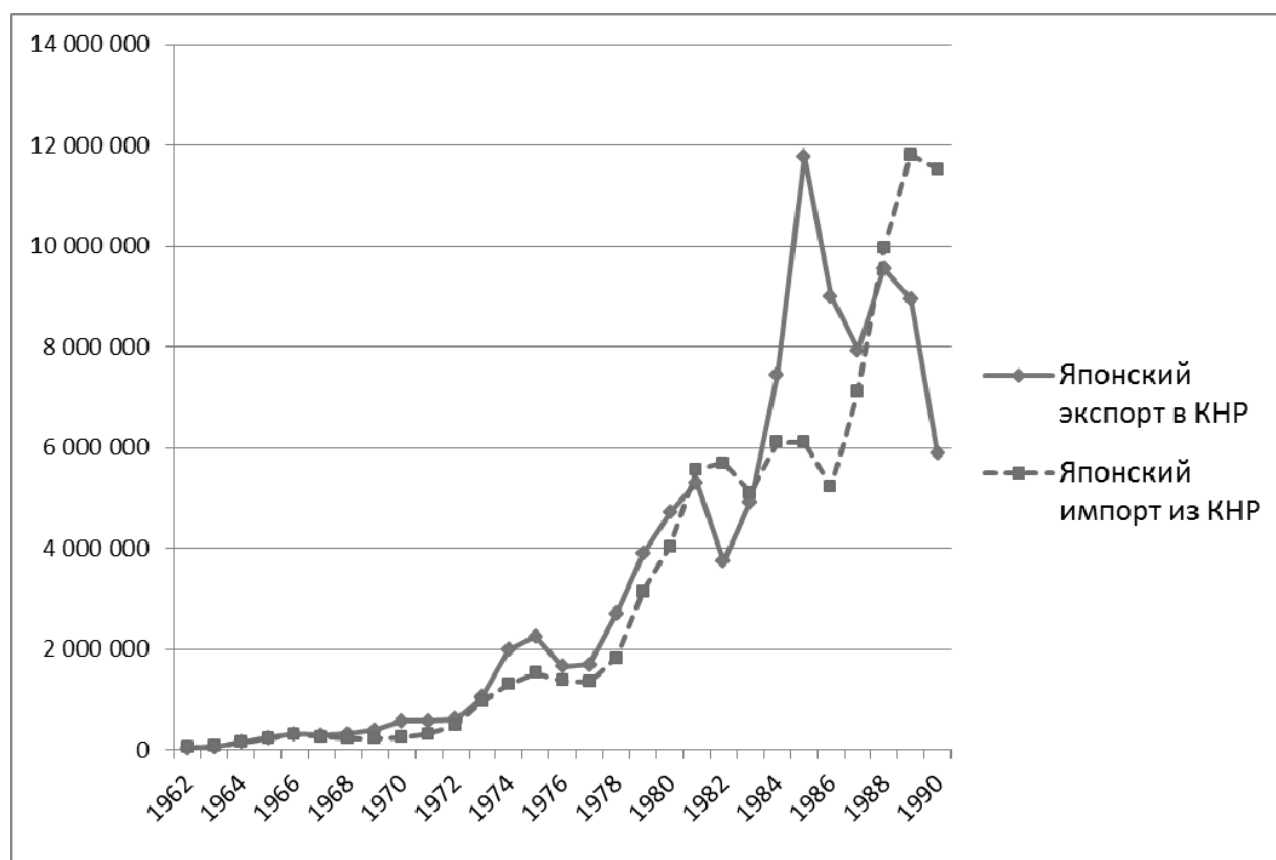
Демина Мария Олеговна, преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, аспирант ИДВ РАН. E-mail: maridemina@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках Программы индивидуальных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2016 г.

лю включился частный сектор (по понятным причинам, в первую очередь, речь идет о японском частном секторе)³.

График 1

Динамика японо-китайского товарооборота, 1962–1990 гг., тыс. долл.

Составлено по данным японской внешнеторговой организации JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

В то же время существует и противоположная по своей сути точка зрения, сторонники которой утверждают, что активные экономические связи между Японией и КНР во второй половине XX в. способствовали предотвращению ряда политических конфликтов или, по крайней мере, снижению градуса их напряжения. В частности, корейский специалист по международным отношениям и политической экономии Ку Мин Гё анализирует логику развития территориального конфликта по островам Сэнкаку (кит. — Дяоюй) и приходит к выводу о том, что наиболее острые разногласия были урегулированы с главной целью — не нанести ущерб двусторонним экономическим отношениям⁴. Этой же точки зрения в целом придерживается отечественный востоковед В.В. Михеев, настаивая на том, что военно-политические конфликты в Восточной Азии сдерживаются успехами экономического взаимодействия между основными акторами региона⁵.

После 1990-х годов в экономических отношениях Японии и КНР произошли значительные изменения, вызванные как длительной стагнацией в японской экономике, так и стремительным ростом промышленного производства в Китае, а также повышением покупательной способности китайского населения. Естественными следствиями подобных изменений стали, в частности, повышение экономической зависимости Японии от китайской экономики и, напротив, диверсификация внешнеэкономических связей коммунистического гиганта. С большой долей вероятности можно предполагать, что в новых реалиях характер взаимовлияния политического и экономического факторов в двусторонних отношениях также претерпел изменения. Данная работа ставит своей целью выявление особенностей этого взаимовлияния в XXI в.

На первом этапе с помощью эконометрических методов была построена модель зависимости темпов прироста японо-китайской торговли от характера и количества новостных поводов за период 2000–2004 гг. Предполагается, что в краткосрочном периоде объемы товарооборота сокращаются в результате усиления политической напряженности между странами. Тем не менее, в долгосрочном периоде негативное влияние политического фактора несколько нивелируется экономическими выгодами, которые обе стороны получают от торговли, и товарооборот имеет тенденцию к восстановлению.

С другой стороны, экономические отношения (уже не столько их торговая составляющая, сколько инвестиционная) связаны с долгосрочными внешнеполитическими стратегиями Японии и КНР. Эти стратегии в свою очередь обуславливаются рядом факторов: внутривнутриполитических, геополитических, экономических — однако трудно сказать, какие из них имеют больший вес. В данной статье автор оценил влияние экономического фактора на политический диалог между странами, проверив либеральное утверждение о том, что высокая экономическая взаимозависимость значительно снижает уровень конфликтности.

Первая модель основывается на предположении, что негативное политическое событие в отношениях между двумя странами влечет за собой ухудшение общественного мнения по поводу страны-партнера, которое, в свою очередь, вызывает реакцию у руководства компаний-импортеров, и они временно сокращают объемы закупок, что отражается в международной статистике, а именно в снижении объемов товарооборота. Ожидание первой реакции именно со стороны импортеров не беспочвенно: австралийский исследователь японского происхождения Сиро Армстронг показал, что приобретающая сторона в большей степени склонна реагировать на ухудшающуюся международную обстановку, а объемы торговли зависят от того, как покупатель расценивает страну-поставщика товара⁶. Безусловно, предполагается, что реакция импортеров на негативное политическое событие возникнет не сразу, а с некоторым временным лагом, и наша задача заключается, в том числе, в оценке этого лага.

В качестве индикатора происходящих негативных политических событий было выбрано ежемесячное количество имеющих ярко негативную окраску новостных сообщений, в сюжетах которых основными субъектами выступают представители японской и китайской сторон. Данный индикатор представляется вполне репрезентативным для анализируемой модели (более, чем число визитов на высшем уровне), так как подобная информация доступна широким слоям населения, потенциально способна оказывать большое влияние на общественное мнение и потому должна учитываться торгующими компаниями. Для расчета количества новостных сообщений негативного характера была использована база данных закодированных новостей агентства Reuters, включающая 3,8 млн сюжетов за период с 2000 по 2004 гг. включительно⁷.

В рамках выбранного периода можно выделить фазу относительно «теплых» политических отношений (июнь 2000 — август 2002 гг.), которая характеризуется большим числом позитивных новостных сообщений (до 12 в месяц), а также фазу «похолодания» (сентябрь 2002 — декабрь 2004 гг.), в ходе которой в СМИ достаточно регулярно появлялись негативные новости, относящиеся к Японии и КНР. Смена фаз сопровождалась, как можно предположить, ухудшением общественного мнения, о чем свидетельствуют результаты опросов, проведенных японским кабинетом министров: если в 2002 г. 47,2% опрошенных считали, что отношения между Японией и КНР можно назвать «хорошими», а 43% выразили противоположную точку зрения, то в 2004 г. доля оптимистов сократилась до 28,1%, а 61% респондентов сказали, что отношения «нехорошие»⁸.

Для проверки выдвинутой гипотезы при помощи метода наименьших квадратов была оценена модель зависимости ежемесячных темпов прироста двусторонней торговли от количества негативных новостных сообщений. В результате удалось выявить статистически значимую негативную связь данных переменных с временным лагом в 5 месяцев (оценка коэффициента при объясняющей переменной -0.02525, уровень значимо-

сти 1%, коэффициент детерминации 0.06491). Для верификации полученных данных модель была применена на материале второй половины 2012 г., когда произошло последнее по времени серьезное обострение территориального конфликта. Исходя из того, что максимальное число негативных новостных сообщений наблюдалось в июле (патрульные корабли КНР маневрируют у побережья архипелага Сэнкаку) и сентябре 2012 г. (официальное заявление Токио о покупке островов Сэнкаку у частных лиц), с использованием предложенной модели можно прогнозировать снижение объемов двустороннего товарооборота на 8,9% в декабре 2012 г. и на 11,4% в феврале 2013 г. В реальности снижение составило 5,4% в первом из рассматриваемых месяцев и 10,1% — во втором (см. табл. 1). Близость прогнозируемых и фактически наблюдаемых показателей дает основания полагать, что на сегодняшний день политические трения между Японией и КНР оказывают негативное влияние на динамику объемов двусторонней торговли с отсрочкой примерно в 5 месяцев.

Таблица 1

**Темпы прироста стоимостных объемов японо-китайского товарооборота,
% к предыдущему периоду, сентябрь 2012 — май 2013 гг.**

Месяц	Сент. 2012	Окт. 2012	Нояб. 2012	Дек. 2012	Янв. 2013	Февр. 2013	Март 2013	Апр. 2013	Май 2013
Темпы прироста	2,9%	2,9%	-1,6%	-5,4%	1,9%	-10,1%	25,0%	-0,5%	2,6%

Рассчитано по данным японской таможенной статистики.

URL: <http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm>

Тем не менее, возвращаясь к изначально взятому периоду с 2000 по 2004 гг., необходимо отметить, что несмотря на отдельные краткосрочные эпизоды сокращения, двусторонний товарооборот имеет тенденцию к быстрому восстановлению и росту: за 72 месяца его стоимостной объем вырос более чем на 250%. Кроме того, этот рост ускорился по сравнению с предыдущими десятилетиями: за 2000-е годы среднегодовой темп прироста японо-китайской торговли составил 17% против 11% в 1980-х и 1990-х годах (рассчитано по табл. 2). Такое ускорение предположительно связано с растущей экономической взаимозависимостью Японии и КНР: в начале 2000-х годов китайская экономика достигла такой степени развития, что смогла производить достаточно технически сложную и качественную продукцию для поставок в Японию, а китайский покупатель стал в достаточной степени платежеспособен для того, чтобы покупать японские товары среднего и даже высокого ценовых сегментов. Для проверки выдвинутого предположения автор измерил уровень экономической взаимозависимости двух стран и сопоставил этот показатель с темпами прироста двусторонней торговли.

В качестве показателя экономической взаимозависимости был использован индекс комплементарности, разработанный специалистом Всемирного банка Майклом Михаэли⁹, который рассчитывается по формуле:

$$TC_{ij} = 100(1 - \sum(|M_{ik} - X_{ij}| / 2),$$

где M_{ik} — это доля товара i в импорте страны k , а X_{ij} — это доля товара i в экспорте страны j . Таким образом, максимальное значение индекса, равное 100, будет свидетельствовать о том, что одна страна экспортирует именно те товарные наименования, которые другая страна закупает в больших объемах; минимальные же значения индекса будут подтверждением того, что страны закупают примерно одни и те же товары и примерно одни и те же товары поставляют на мировой рынок — то есть в таком случае у них, очевидно, не будет стимулов активно обмениваться своей продукцией. При расчете индекса комплементарности для выявления соответствия японского экспорта китайскому импорту в качестве товарных наименований были взяты категории товаров гармонизированной системы (HS) версии 1992 г. с 6-значным кодом. Результаты показывают, что в

1990-е годы рассчитанный показатель не превышал 42, однако с 1999 г. его значение стало расти, достигнув потолка в 53 в 2002 г. На исходе первого десятилетия XXI в. индекс комплементарности составил 46, по-прежнему превосходя значения 1990-х годов (см. табл. 3). Коэффициент корреляции между данным показателем и темпами прироста японского экспорта в КНР достаточно высок (0,53), из чего можно сделать вывод, что значительное расширение японо-китайской торговли в 2000-е годы связано с объективными экономическими причинами, а именно с изменениями в структурах общественного воспроизводства и внешней торговли двух стран.

Таблица 2

**Динамика японо-китайской торговли, 1980–2010 гг., тыс. долл.,
% к предыдущему периоду**

Год	Японский экспорт в КНР	Японский импорт из КНР	Японо-китайский товарооборот	Темпы роста товарооборота
1980	4 713 996	4 040 471	8 754 467	124,2%
1981	5 307 624	5 571 986	10 879 610	124,3%
1982	3 741 300	5 693 223	9 434 524	86,7%
1983	4 926 376	5 101 895	10 028 270	106,3%
1984	7 449 364	6 109 398	13 558 762	135,2%
1985	11 776 185	6 111 673	17 887 858	131,9%
1986	9 008 168	5 220 751	14 228 919	79,5%
1987	7 935 185	7 121 742	15 056 927	105,8%
1988	9 558 512	9 954 441	19 512 953	129,6%
1989	8 959 377	11 802 177	20 761 554	106,4%
1990	5 890 067	11 532 387	17 422 453	83,9%
1991	8 568 652	14 175 652	22 744 304	130,5%
1992	11 617 854	16 498 285	28 116 138	123,6%
1993	16 197 432	19 305 305	35 502 737	126,3%
1994	17 885 093	26 274 720	44 159 813	124,4%
1995	22 171 613	36 353 570	58 525 183	132,5%
1996	22 475 123	41 506 377	63 981 500	109,3%
1997	21 922 675	42 180 608	64 103 283	100,2%
1998	20 160 808	37 262 577	57 423 385	89,6%
1999	22 520 576	41 316 822	63 837 398	111,2%
2000	30 891 019	56 050 547	86 941 566	136,2%
2001	31 627 924	59 047 706	90 675 630	104,3%
2002	38 306 123	59 444 562	97 750 685	107,8%
2003	55 760 353	73 370 916	129 131 269	132,1%
2004	74 020 676	94 434 843	168 455 519	130,5%
2005	80 340 099	109 104 815	189 444 914	112,5%
2006	92 851 689	118 516 332	211 368 021	111,6%
2007	109 060 309	127 643 646	236 703 955	112,0%
2008	124 035 383	142 337 115	266 372 498	112,5%
2009	109 630 428	122 545 120	232 175 548	87,2%
2010	149 086 369	152 800 714	301 887 083	130,0%

Составлено и рассчитано по данным японской внешнеторговой организации JETRO.
URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>.

Таблица 3

Динамика индекса торговой комплементарности Японии и КНР (ТС), 1992–2010 гг.

Год	Индекс ТС	Год	Индекс ТС
1992	41	2001	49
1993	40	2002	53
1994	41	2003	51
1995	42	2004	51
1996	41	2005	46
1997	40	2006	50
1998	41	2007	44
1999	44	2008	46
2000	45	2009	46

Рассчитано по данным торговой статистики ООН. URL: <http://comtrade.un.org/>.

Следующий этап данной работы нацелен на тестирование либеральных теорий международных отношений, сторонники которых утверждают, что динамичные и взаимовыгодные экономические отношения между странами способствуют предотвращению или смягчению существующих политических конфликтов между ними, так как обострение подобных конфликтов может привести к военным действиям и, соответственно, угрожает потерей прибылей. На данном этапе, следуя логике Стефена Мэги, доказавшего, что страны-экспортеры в большей степени заинтересованы в поддержании мира со своими партнерами¹⁰, автор сконструировал модели зависимости политических конфликтов от приходящейся на КНР доли японского экспорта, от доли экспорта в Японию в китайском экспорте, а также от уровня торговой комплементарности этих двух стран. В данном случае индикатором политических конфликтов послужили не негативные новостные поводы, как в первой модели, а статистика военизированных межгосударственных споров, так как предполагается, что активный экономический обмен препятствует возникновению именно масштабных международных столкновений, однако отнюдь не является помехой, а иногда даже выступает источником эпизодических разногласий. Статистика за период с 1992 по 2010 гг. была собрана и закодирована в рамках проекта *Correlates of War* (версии 3.1¹¹ и 4.01¹²). Авторы статистики дают определение: «Военизированные межгосударственные споры — это исторические случаи конфликтов, в которых угроза, демонстрация или применение военной силы со стороны одного государства явно направлены на правительство, официальных представителей, официальные силы, собственность или территорию другого государства»¹³.

Построенные модели были оценены при помощи метода максимального правдоподобия, причем в качестве одной зависимой переменной была взята дамми-переменная «Конфликт, инициированный Японией», принимающая значение 1, если такой конфликт произошел в рассматриваемый период, и 0, если японская сторона не была инициатором военизированных конфликтов; другая зависимая дамми-переменная обозначала конфликт, начатый КНР. Статистически значимыми оказались коэффициенты при объясняющих переменных в моделях зависимости конфликта, инициированного Японией, от торговой комплементарности и от доли экспорта в КНР в совокупном японском экспорте, однако, вопреки либеральным предположениям, связь оказалась прямой. Это означает, что *несмотря на растущую торговую комплементарность и большие объемы японских поставок на китайский рынок Япония нередко выступает «агрессором», угрожая применением военной силы*. Эта тенденция косвенным образом проявляется и в укреплении военно-политического союза между Японией и США¹⁴, недавнем расширении прав японских сил самообороны¹⁵, совместных с США и другими союзными государствами учениях в Южно-Китайском море¹⁶.

При оценке моделей с зависимой переменной «Конфликт, инициированный КНР» не было выявлено статистически значимых коэффициентов при объясняющих переменных, однако можно отметить, что здесь наблюдается обратная связь: со снижением доли поставок в Японию в китайском экспорте повышается вероятность того, что эта страна выступит инициатором конфликта. Это положение в целом может быть объяснено с точки зрения либеральных теорий: со снижением экономической зависимости от Японии у КНР становится меньше стимулов поддерживать мир. В то же время представляется, что довольно удачное объяснение дает вполне находящееся в рамках реалистической парадигмы утверждение Альберта Хиршмана о том, что при асимметричной экономической зависимости двух стран менее зависимая страна больше готова на военизированный конфликт¹⁷. В нашем случае асимметрию экономической зависимости между Японией и КНР можно оценить, сравнив долю японского экспорта в Китай в совокупном японском экспорте с долей китайского экспорта в Японию в китайском экспорте: если в 1992 г. эти показатели составляли 3,5% и 13,7% соответственно, то в 2010 г. — 19,4% и 7,7% (см. табл. 4). С учетом того, что обе страны имеют экспортно ориентированные экономики, приведенные данные убедительно свидетельствуют о более высокой экономической зависимости Японии от КНР. В такой ситуации, исходя из теоретических построений Хиршмана, можно ожидать, что *китайская сторона в дальнейшем будет чаще позволять себе проявления агрессии по отношению к Японии*, хотя имеющийся эмпирический материал не вполне подтверждает это.

Таблица 4

Доля КНР в японском экспорте и доля Японии в китайском экспорте, %, 1992–2010 гг.

Год	1992	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
КНР в японском экспорте	3,5	6,3	7,7	9,6	12,2	13,1	13,5	14,3	15,3	16,0	19,0	19,4
Япония в китайском экспорте	13,7	16,7	16,9	14,9	13,6	12,4	11,0	9,5	8,4	8,1	8,1	7,7

Рассчитано по данным торговой статистики ООН. URL: <http://comtrade.un.org/>.

Таким образом, полученные результаты в значительной степени согласуются с позициями Ли Цзяньюна и Маруямы Нобуо: на современном этапе политический компонент оказывает ярко выраженное влияние на динамику торговых отношений между Японией и КНР. Негативные новости влекут за собой снижение объемов двустороннего товарооборота в краткосрочной перспективе (4–5 месяцев), однако в средне- и долгосрочной перспективе действуют противоположно направленные факторы не политического, но экономического характера, а именно изменения в моделях общественного воспроизводства, экспортной специализации и структурах импорта двух стран. Растущая торговая комплементарность Японии и КНР обуславливает долгосрочный повышательный тренд их взаимной торговли. Тем не менее, эта комплементарность, вопреки предположениям либералов, в свою очередь не оказывает стабилизирующего воздействия на политические отношения. Напротив, асимметричная экономическая зависимость может в перспективе привести к увеличению агрессивности менее зависимого партнера — КНР. На данный момент статистические данные не дают достаточного подтверждения этой гипотезы, однако в ее пользу свидетельствует более настойчивая позиция КНР в отношении спорных островов Сэнкаку с середины 2000-х годов, которая выразилась, в частности, в проектах по односторонней разработке ресурсов шельфа в Восточно-Китайском море¹⁸ и в расширении идентификационной зоны противовоздушной обороны¹⁹.

Можно сделать вывод, что внешнеполитические стратегии двух сторон мало зависят от уровня развития экономических отношений между ними. Для активизации япо-

но-китайского экономического взаимодействия иногда по-прежнему требуется «отмашка» политических лидеров. Так, например, некоторое потепление политических отношений между двумя государствами в 2015 г., индикатором которого можно считать встречи японского премьер-министра Синдзо Абэ и премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Сеуле и на саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре, сопровождалось однозначными сигналами для деловых кругов: 4 ноября Ли Кэцян провел беседу с делегацией представителей японского бизнеса²⁰.

В данной работе не рассматривается влияние политических факторов на инвестиционные процессы, хотя есть все основания полагать, что это влияние существенно²¹. При оценке этого влияния исследователь неизбежно сталкивается с объективными трудностями, связанными с тем, что инвестор не имеет возможности реагировать на новостные поводы так же быстро, как импортер, и потому в большей степени ориентируется на долгосрочные политические тренды. В этой связи уместно упомянуть о точке зрения профессора Стефена Нэги, который прогнозирует снижение объемов японских инвестиций в китайскую экономику в долгосрочном периоде, связанное с активизацией антияпонских и националистических настроений в КНР²². Данная позиция представляется небезосновательной, но нуждается в верификации, а поднятый вопрос — в дальнейших исследованиях.

1. *Кульнева П.В.* Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений // Япония в Азии: параметры сотрудничества. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 194.
2. Цит. по: *Кульнева П.В.* Указ. соч. С. 202. Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Баньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси: [Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности — экономического бума»]. Пекин, 2007. С. 48–86.
3. *Маруяма Нобуо.* Ниттю кэйдзай канкэй: [Японо-китайские экономические отношения] // Тюгоку о мэгуро кокусай канкё: [Международная обстановка вокруг Китая] / под ред. Окабэ Тацуми. Токио: Иванами сётэн, 2001.
4. *Koo M.G.* The Senkaku/Diaoyu Dispute and Sino-Japanese Political-Economic Relations: Cold Politics and Hot Economics? // *Pacific Review*. 2009. Vol. 22, № 2. May. P. 218.
5. *Мухеев В.В.* Китай — Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 316.
6. *Armstrong S.P.* The Politics of Japan-China Trade and the Role of the World Trade System // *World Economy*. 2012. Vol. 35, № 9. September. P. 1102–1120.
7. Virtual Research Associates, Integrated Data for Events Analysis (IDEA). URL: <http://vranet.com/IDEA.aspx>.
8. Секретариат кабинета министров Японии: Опросы общественного мнения. URL: <http://survey.gov-online.go.jp/index.html>.
9. *Michaely M.* Trade preferential agreements in Latin America: an ex ante assessment // Policy Research Working Paper 1583. Washington: The World Bank, 1996.
10. *Magee S.P.* Three simple tests of the Stolper-Samuelson theorem // *Issues in international economics*. London: Oriel, 1980.
11. *Ghosn F., Bennett S.* Codebook for the Dyadic Militarized Interstate Incident Data, Version 3.10. 2003. URL: <http://correlatesofwar.org>.
12. *Palmer G., D'Orazio V., Kenwick M., Lane M.* The MID4 Data Set: Procedures, Coding Rules, and Description // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Forthcoming.
13. *Jones D.M., Bremer S.A., Singer J.D.* Militarized interstate disputes, 1816–1992: Rationale, coding rules, and empirical patterns // *Conflict Management and Peace Science*. 1996. Vol. 15, № 2. P. 163–213.
14. На заседании консультативного комитета по вопросам безопасности в 2005 г. в качестве общих стратегических целей впервые было указано «разрешение вопросов, касающихся Тайваньского пролива», что подразумевает вмешательство в китайскую сферу интересов. См.: Joint Statement

- US-Japan Security Consultative Committee. Washington, February 19, 2005. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/joint0502.html>.
15. Японский парламент разрешил армии воевать за границей // BBC, 19.09.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150919_japan_military_overseas.
16. Учения ВМС США и Японии начались в Южно-Китайском море // ТАСС. 29.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2387653>; Япония проведет совместные учения с Австралией в Южно-Китайском море // РИА-новости, 20.11.2015. URL: <http://ria.ru/world/20151120/1324758879.html>.
17. *Hirschman A.O.* National power and the structure of foreign trade. Berkeley: University of California Press, 1980.
18. Китай намерен самостоятельно добывать газ в Восточно-Китайском море // Пронедра. 03.07.2013. URL: <http://pronedra.ru/gas/2013/07/03/kitaj-yaponiya/>
19. Зона противовоздушной обороны КНР в Восточно-Китайском море. Досье // ТАСС, 29.11.2013. URL: <http://tass.ru/info/800272>.
20. Ли Кэцян встретился с делегацией деловых кругов Японии // Синьхуа, 05.11.2015. URL: http://russian.news.cn/2015-11/05/c_134784234.htm.
21. *Gartzke E., Li Q., Boehmer C.* Investing in the peace: Economic interdependence and international conflict // *International Organization*. Vol. 55. P. 391–438.
22. *Nagy S.R.* Territorial Disputes, Trade and Diplomacy // *China Perspectives*. December 2013. № 4. P. 49–57.